*А. А. ВОВИН**

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИКИ ДВУХ НОВГОРОДСКИХ АКТОВ, ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ**

Статья посвящена особенностям дипломатики двух новгородских актов конца XV в., созданных на юге Кольского полуострова. Будучи по форме типичными для своего времени актами купли-продажи, они включают странную для такого рода документов формулировку «купил до денег», вместо привычной «купил в полную собственность». Автор приходит к выводу, что это на самом деле акты заклада земли, а не купли-продажи. Из этого делается несколько выводов. Во-первых, о более широком, чем предполагалось ранее, значении глаголов «купить» и «владеть» в этот период. Во-вторых, о необходимости пересмотреть существующую систему классификации русских средневековых документов. В-третьих, о специфике взаимоотношений местного финно-угорского и пришлого русского населения: в отличие от южного берега Белого моря на юге Кольского полуострова во второй половине XV в. процесс освоения земель русскими был еще в начальной фазе. Приходившие сюда новгородцы пытались заявить свои права на землю, но здесь проживало местное население, для контроля над которым у частных лиц не всегда хватало ресурсов, и они были вынуждены уступать освоенные земли более крупному собственнику – Соловецкому монастырю.

Ключевые слова: Арктика, дипломатика, средневековые русские документы, Новгород, купчая, закладная, Соловецкий монастырь, финноугорское население.

Поступила в редакцию: 05.08.2026
Принята к печати: 17.09.2026

DOI: 10.7868/S0130086526040032

DIPLOMATIC NUANCES OF TWO NOVGOROD DOCUMENTS, SOURCES ON HISTORY OF ARCTIC EXPLORATION

The article focuses on the diplomatic nuances of two Novgorod documents from the late 15th century, created in the south of the Kola Peninsula. While documents of sale

* **Вовин Алексей Александрович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: avovin@gmail.com; ORCID 0000-0001-5089-9999.

Vovin Alexei Aleksandrovich – Ph.D in History. Senior Researcher in Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia. E-mail: avovin@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-5089-9999.

** Исследование выполнено в рамках темы государственного задания «История Российской Арктики» (FMZM-2026-0005) (2026–2028).

© *Вовин А.А.*

and purchase, typical for their time, include the unusual wording "bought until money" instead of the usual "bought in full ownership." The author concludes that these are actually land mortgages, not purchase and sale documents. Several conclusions are drawn from this. First, in the period the verbs "buy" and "own" had a broader meaning than previously assumed. Second, there is a need to revise the existing classification system for Russian medieval documents. Third, the specifics of the relationship between the local Finno-Ugric and incoming Russian populations are discussed: unlike on the southern shore of the White Sea, in the south of the Kola Peninsula, in the second half of the 15th century, land ownership by Russians was still in its infancy here. Novgorodians who came here tried to claim the land, where the local population already lived, and private owners did not always have the resources to control it, and they were forced to cede the developed lands to a larger owner – the Solovetsky Monastery.

Keywords: Arctic, diplomatic, medieval Russian documents, Novgorod, bill of sale, mortgage, Solovetsky Monastery, Finno-Ugric population.

Проблема освоения или, как уже закрепилось в историографии, колонизации пространств русского Севера в средневековье стоит в исторической науке давно. В историографии намечены две основные концепции понимания того, как происходила славянизация этой обширной области, включавшей, но не ограниченной южными районами арктической зоны. Одна из них была впервые сформулирована еще В. О. Ключевским и С. Ф. Платоновым. Первый предположил, что славянское заселение края осуществлялось новгородскими купцами и крестьянами, пришедшими туда ради пушного зверя, чья популяция была уже во многом выбита в исконных новгородских землях, и рыбы, в изобилии водившейся в местных водах. Аборигенное лопское и карельское население не препятствовало новым пришельцам, поскольку места хватало всем, но постепенно переняло их обычаи, язык и веру.[1] С. Ф. Платонов полагал, что изначально славянская колонизация побережья Белого моря была не крестьянской, а скорее боярской. Не имевшие собственных товаров на экспорт представители новгородской элиты на свой страх и риск снаряжали экспедиции в богатый пушниной и рыбой край, основывали фактории и поселения. Уже вслед за ними постепенно тянулись крестьяне Северо-Запада, создавшие в результате критическую массу славянского населения, поглотившего немногочисленных аборигенов финно-угров, вынужденных в результате принять веру и язык пришельцев. Только присоединение к Московскому государству в конце XV в., уничтожившее боярскую вотчину, создало тот особый крестьянский мир русского Севера, который хорошо известен по более поздним источникам.[2] При всех нюансах различий взгляды

[1] *Ключевский О. В.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Московские университетские известия. 1867. № 7. С. 1–10.

[2] *Платонов С. Ф.* Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Берлин, 1924. С. 5–23.

С. Ф. Платонова и В. О. Ключевского несомненно объединяет одно – в их глазах освоение края было результатом частной инициативы, а взаимодействие с местным финно-угорским населением было скорее мирным, как и его последующая славянизация. Кроме того, оно носило взрывной характер, ведь к концу XV в. здесь уже фиксируются не только отчины, но и «дедины» новгородцев, что говорит как минимум о трех поколениях пришельцев с юга, прочно закрепившихся к тому времени на Севере.

Одновременно с первой концепцией появилась и вторая, ее автором стоит признать П. С. Ефименко, предпринявшего попытку собрать все имевшиеся во второй половине XIX в. сведения об исчезнувшем народе – чуди. В своей реконструкции он опирался как на сохранявшиеся еще в тот момент в народной традиции сказания о героической борьбе чуди против захватчиков-новгородцев,[3] так и на достижения бурно развивавшейся в тот момент топонимики, уже установившей, что значительная часть всех названий Русского Севера по происхождению – финно-угорские.[4] Таким образом получалось, что процесс колонизации протекал отнюдь не мирно, а вместо разрозненных и малочисленных аборигенных племен новгородцам пришлось иметь дело с большим народом, покоряя его огнем и мечом, причем процесс этот растянулся на много столетий, а память о нем продолжала жить в памяти потомков покоренного и ассимилированного народа еще в XIX в. Кроме того, новгородская колонизация согласно этой концепции – уже не результат частной инициативы отдельных новгородцев, а политика самого Новгорода, осуществлявшего военные походы на земли местных народов с целью обложить их данью. Выводы П. С. Ефименко впоследствии с некоторыми оговорками поддержали М. М. Богословский[5], А. А. Кизеветтер[6] и А. Н. Насонов. Последний, однако, несколько отошел от концепции «кровавых военных походов», перенеся акцент на целенаправленную политику Новгорода по расширению облагаемой данью территории через создание сети опорных пунктов Новгорода, куда эта дань свозилась. К тому же исследователь отметил, что такое распространение власти Новгорода шло сложным маршрутом: вначале были освоены нижнее Подвинье и южный берег Белого моря, откуда новгородцы дальше пошли в двух направлениях – на север на Колу и на юго-восток в Обонежье и земли Заволочья.[7] М. В. Витов выдвинул

---

[3] *Ефименко П. С.* Чудь заволоцкая, Архангельск, 1869. С. 9–22

[4] Там же. С. 94–98.

[5] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1., М., 1909. С. 1–7.

[6] *Кизеветтер А. А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Вологда, 1919. С. 13–14.

[7] *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства, М., 1951. С. 93–111.

тезис о том, что, по крайней мере, в Обонежье местное финно-угорское население преобладало до XVI в., а отдельные поселения существовали вплоть до XIX в.[8] Обнаруженные и опубликованные В. Е. Возгрином, И. П. Шаскольским и Т. А. Шрадер грамоты Василия III даньщикам на Кольском полуострове показывают, что сборщиков дани неизменно сопровождал переводчик,[9] что говорит о том, что еще в начале XVI в. общины саамов были настолько не инкорпорированы в русскую культуру, что среди них, по-видимому, могло не найтись даже одного человека, говорящего по-русски. В новейшей историографии представлений о государственном, данническом характере отношений Новгорода и его северных владений придерживается А. Ю. Жуков.[10] Кроме того, М. Г. Кучинский показал, что трансформация социального уклада кольских саамов началась только в XVI в., и процесс этот растянулся на несколько столетий.[11]

Свою лепту в изучение колонизации Русского Севера внесли и археологи. Начавшееся в середине XX в. систематическое изучение памятников Подвинья, Поморья и Колы подтвердило на археологическом материале гипотезу А. Н. Насонова: новгородцы сначала закрепились в нижнем Подвинье, а уже затем оттуда двумя потоками двигались на юго-восток к верховьям Северной Двины и на север и северо-запад на Кольский полуостров.[12]

База письменных источников по новгородской колонизации региона крайне скудна. До нас дошли буквально считанные единицы новгородских частных актов[13], которые можно уверенно связать с арктической и предарктической зонами Севера, договоры Новгорода с князьями XIII–XIV вв., упоминающие область «Тре»/«Трѣ»/«Тьрѣ»/«Тѣрь»[14] в которой обычно видят Терский берег, несколько внешнеполитических договоров,[15] преимущественно сухие упоминания отдельных топонимов в берестяных грамотах и скупые известия новгородских летописей о походах в этом направлении.

---

[8] *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 71–72.

[9] *Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. 1998. С. 125–135.

[10] *Жуков А.Ю.* Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. №1. СПб., 2004. С. 13.

[11] *Кучинский М. Г.* Саами Кольского полуострова в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры. М., 2008.

[12] *Макаров Н. А.* Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // Советская археология. 1986. № 3. С. 61–71.

[13] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Составитель И. Ю. Анкудинов. Москва, ЯСК. 2025. №№ 181, 182, 192, 194, 196, 198, 203, 204, 222, 223.

[14] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. №№ 79–81, 85, 86, 88, 89, 93, 100.

[15] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. №№ 12, 13.

Цель настоящей статьи – уточнить некоторые особенности характера взаимоотношений местного и пришлого населения Кольского полуострова накануне присоединения Новгородской земли к Москве через анализ происходящих отсюда дипломатических документов. Речь пойдет о двух дошедших в подлинниках актах конца XV в., традиционно определяемых по начальной клаузуле их формуляра как «купчие». Приведем их полностью по новейшему изданию «Грамот Великого Новгорода и Пскова» 2025 г. (№№ 181 и 182):

1) «181[16]

[1450-е – 1460-е гг.] – Купчая Ивана, Денисья и Максима Менуевых у Фалелея из Валдолы и у Савы и Сидора Юрьевых на угодья на Поморье

Се коупи Иване и его братьæ Денесьæ, Максиме Мѣноуе|ви дѣти оу Фалелѣѧ из Валдоли, оу Сави, оу Сидора оу Ю|рьевыхъ дѣтеи землю и водоу на Поморьи по [мо]рьскимъ | рикамъ и по лѣшимъ wзерамъ, Ѳлексиевъ оучасток|ъ Каръгольско. А ловити Иваноу и Денесьи, Максимоу М|ѣнуевымъ дѣтемъ в Кими рики подъ Оужмою юнъ|дою. Тако володѣти ему инымъ Ѳлексиевымъ оучасъ|ткомъ, землею и водою, и лопъю, и празгою межу корѣло|ю, куды всѧ 5 родовъ володѣю[т]. А дасть Иване и его брать[æ] | Денесьѧ, Максиме на тои земли на Ѳлексиевы оучастки | Фалелѣю Валдольскому, и Сави и Сидору Юрьевымъ дѣ|темъ 8 сороковъ бѣлки да рублъ серебромъ. А володѣ|ти Ивану, и Денесьи, и Максиму Мѣнуевымъ дѣтемъ | тою землею, тымъ Ѳлексиевымъ оучастькомъ, до | коунъ. А на то послуси со wбѣ половини: Матфи-Иван|овичь, Ильæ Степановъ, Насоне Волосове, Иване Юрье|ве.»

2) «182

[3-я четверть XV в. (не позднее начала 1470-х гг.)]. – Купчая Павла, Иваша и Бориса у Бориса Калтоева на Парандоев участок

Се коупи Павле, да Ивашь, да Борисъ – | коупилѣ есмѧ оу Бориса оу Калтоева | землю, и водоу, и лопь ходити и празгоу | имати, оучастокъ Парандоевъ. Коуды | володѣлъ Парандое, туды во[ло]дѣтиа | Павлоу, и Ивашю, и Борисоу. А дали есмѧ | на тои землѣ, и водѣ, и лопи полъ шеста | сорока бѣл. А коупилѣ есмѧ тоу землю | до коунъ. А на то послоуси: Терентіи ста|роста, Вачюи Пенцине, Ивашь Колижемь|скои.»

Известна дальнейшая судьба земли, упоминаемой в первом из актов. Как заметил В. Л. Янин,[17] в 1470-е гг. она была куплена (№ 203) «в веки» Соловецким монастырем у сына Максима Менуева,[18] судьба земли из акта

[16] Номера актов здесь и далее даются по изданию: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Составитель И. Ю. Анкудинов, Москва, ЯСК, 2025.

[17] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 253.

[18] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 203.

№ 182 была, по-видимому, схожей, что объясняет происхождение обоих актов из собрания Соловецкого монастыря. На первый взгляд мы имеем дело с обычными актами купли-продажи, однако есть несколько деталей, которые позволяют в этом усомниться.

Первой бросается в глаза чрезвычайно низкая стоимость продаваемой земли. В № 181 это «8 сороковъ бѣлки да рублъ серебромъ», в № 182 – «полъ шеста | сорока бѣл». «Сорок» – связка из 40 беличьих шкурок (основы новгородского импорта), цена каждой из которых в Новгороде составляла от 1 до 2 денег,[19] то есть 0.81 – 1.62 грамма серебра,[20] причем на Севере, там, где они добывались, цена очевидно должна была быть ниже. Но даже если подсчитать по максимальной цене в 2 деньги, то суммарно «8 сороковъ бѣлки» могли стоить 640 денег, то есть около 3 рублей (каждый весом примерно 170 г серебра), соответственно, итоговая максимальная цена могла быть около 4 рублей серебром, но в реальности, скорее всего, значительно ниже. Соответственно, «полъ шеста | сорока бѣл», то есть 5.5 сороков, из акта № 182 составляло максимум 440 денег или 2,4 рубля. Сравним эти условные и скорее всего завышенные суммы в 2,4 и 4 рубля с другими современными №№ 181, 182 новгородскими актами купли-продажи участков земли из того же региона: № 192 – 23 рубля, № 194 – 15 рублей. На этом фоне суммы в 2,4 – 4 рубля явно выбиваются; сопоставимые цены на землю в принципе среди новгородских актов встречаются, хотя в другое время и в других местах (например, № 165 – 3 рубля, но речь здесь идет только о «полуниве», т. е. половине поля). Конечно, трудно сравнивать стоимость участков земли, размер которых неизвестен, но другой аргумент, дипломатического характера, все же заставляет нас окончательно усомниться, что в №№ 181, 182 речь идет именно о продаже земли.

Акты №№ 181, 182 объединяет клаузула «до коунъ»: «володѣ|ти Ивану, и Денесьи, и Максиму Мѣнуевымъ дѣтемъ | тою землею, тымъ Ѳлексиевымъ оучастькомъ, до | коунъ» (№ 181), «А коупилѣ есмѧ тоу землю | до коунъ» (№ 182). Помимо №№ 181, 182 клаузула «до кун» встречается в новгородских купчих лишь однажды, но в совершенно другом контексте – при описании предыдущих действий, совершенных в прошлом с объектом сделки.[21] Что значит «владеть до кун» или «купить до кун» в №№ 181, 182? Куны – это либо куницы, либо денежные единицы, либо обозначение денег вообще (слово «куна» проделало

[19] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963. С. 45–120.

[20] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки денежной системы средневекового Новгорода, М., 2009. С. 345.

[21] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 295.

в XIII–XV вв. тот же путь, который позже прошло в русском языке слово деньга, в итальянском – soldo и т.п.). Первое значение не подходит явно, второе для второй половины XV в. – очевидный анахронизм,[22] остается только третье. Оно фиксируется в разных источниках этого времени: как в других актах, так и, например, в Псковской Судной грамоте («А городскими кунами не корыстоваться»). Но что значит «купить до денег» или «владеть до денег»?

Здесь важно отметить, что на месте клаузулы «до кун» в протоколе или эсхатоколе других актов Северо-Запада мы часто встречаем другую клаузулу – «одерень», «в одерень» или «в веки»[23]: «купил себе и своим детям в одерень», «володеть в веки» и т.п., что означало полную собственность над движимым или недвижимым имуществом. Также известна еще формула «володеть до живота», то есть право пожизненного пользования имуществом с получением всей выгоды, из него извлекаемой, полный аналог узуфрукта римского права или заимствование из него.[24] Однако клаузулы «в одерень» и «в веки» («до живота» встречается только в завещаниях – «рукописаниях») в отличие от «до кун» не только не противоречат самому смыслу акта купли-продажи, но наоборот подкрепляют его, подчеркивая окончательный переход прав собственности. «До кун» же, видимо, нужно понимать как «до выплаты денег», после которой владение землей покупателями прекращается, а право собственности возвращается к продавцам. Но о каких деньгах речь?

Вряд ли можно предположить, что были какие-то неназванные суммы, переданные ранее покупателями из актов №№ 181, 182 продавцам, а затем почему-то их возврат стал условием прекращения прав собственности покупателей на землю. Очевидно, что речь идет о тех «кунах», которые прямо упомянуты в тексте акта. «Покупатели» передают «продавцам» деньги, а взамен получают право пользоваться землей до момента возвращения им этих денег, то есть, речь на самом деле идет не о купле-продаже, а о залоге. Подтверждают эту гипотезу и другие случаи использования

---

[22] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки денежной системы средневекового Новгорода. С. 297.

[23] Например, в уже упоминавшемся выше акте, фиксирующем продажу земли из № 181 Соловецкому монастырю, находим: «тѹды володѣти игѹменѹ Ивонѣ и всѣмъ старцам | С(вѧ)т(о)го Сп(а)са Соловечкого манастырѧ и в вѣкы»: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Составитель И. Ю. Анкудинов. М., 2025. № 203.

[24] Подробнее о клаузулах «одерень», «в веки» и «до живота» см.: *Вовин А. А., Срединская Н. Б.* Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 1 (31). С. 105–116; *Вовин А. А. Срединская Н. Б.* О рецепции римского права в частных актах северо-западной Руси XIII–XV вв.: Теория и практика сравнительного источниковедения // ВИД. Вып. XLI. СПб., 2022. С. 161–209.

клаузулы «до кун» среди актов Северо-Запада. Она встречается еще в одной купчей (но, как уже говорилось выше, в другом контексте),[25] трех рукописаниях-завещаниях, причем во всех четырех случаях в контексте, несомненно, именно заклада,[26] а также, что особенно показательно в собственно закладной. Приведем последнюю полностью:

«352

† Се заложи ѠБросимъ и Лаврентеи Васильевы | дѣти сѣло зѣмли на Лодми, w(т)ц(и)ноу свою, Федороу | Макаровоу и его дѣтемъ. Взѧлиа есмѧ 20 сорок | бѣлкѣ, а заложили есмѧ на 5 год. А изоидѣть | 5 год – ино ѠБросимоу и Лаврентью wчт(и)ноу свою | выкоупити своими коунами. А не боудеть | в ѠБросима и в Лаврентьæ коунъ своихъ – ино имъ | в людеи коунъ не имати, по правоу словоу и по хре|сномоу челованию и по С(вѧ)т(о)го Сп(а)са wбѣтоу. А Федо|роу Макаровоу и его дѣтѣмъ на ѠБросима и на | Лаврентьѧ и на ихъ дѣтеи в коунахъ не настоу|пати. А в тихъ коунахъ очт(и)наб ихъ до коунъ. | А заложили есмѧ и с коупною грамотою w(т)ца | своего.в А колодѧзи на бороу вмѣсти. А на то по|слоухы: Коузмлаг Тимофѣевич, Иванъ Иванович, | Микоула Михаиловичь, Трофимъ Наоумовичь, | Перхоурѣи Ермолинич. А оу печати стоѧлъ самъ | ѠБросимъ и Лаврентеи и в дѣтѣи своихъ в мѣ|сто.»[27]

Перед нами несомненная закладная, кстати, современная актам №№ 181, 182, но несколько отдаленная от них географически, здесь речь идет о землях не на северо-западном побережье Белого моря, а в южной, «Летней», его части. Фразу, содержащую клаузулу «до кун», следует понимать в том смысле, что за выплатой «кун» должен последовать возврат заложенной отчины. Формуляр акта отличен от №№ 181, 182, но смысл практически идентичен. Есть только одно существенное отличие – оговаривается срок залога, по истечении которого в случае невозврата денег переходит право собственности («А изоидѣть | 5 год […] wчт(и)ноу свою | выкоупити своими коунами. А не боудеть […] коунъ своихъ»). Впрочем, по крайней мере, применительно к № 181 стоит признать, что какой-то неуказанный в нем срок выплаты «кун» все же подразумевался, ведь мы знаем, что уже сын Максима Меноева одно-два десятилетия спустя продал указанную землю Соловецкому монастырю «в веки», а это значит, что деньги за залог, скорее всего, выплачены не были и, соответственно, собственность на землю перешла к его отцу с братьями. Итак, стоит признать, что в случае с №№ 181, 182 мы имеем дело не с купчими, о чем, казалось бы, свидетельствует первая клаузула протокола, по которой и принято классифицировать древнерусские документы, а с сознательно или

[25] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 295.

[26] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 272, 298, 370

[27] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 352.

несознательно замаскированными под купчие закладными. Из последнего утверждения есть несколько выводов, часть из которых имеет значение для дипломатики актов Северо-Запада Руси, а часть для социальной истории освоения Арктики и предарктической зоны.

Во-первых, в силу вышеизложенного очевидно, что не все документы Северо-Запада Руси, традиционно классифицируемые как купчие, представляют собой акты купли-продажи. Глагол «купити» («купил до кун»), очевидно, имел более широкое значение чем «поменять деньги на полную собственность над имуществом», точно также как однокоренное ему слово «купец» в языке XIII–XV вв. имело более широкое значение чем «торговец».[28] Полная же собственность над имуществом обозначалась клаузулами «одерень» и «в веки». Без этих уточнений и глагол «володети» («володети до кун») не обязательно обозначал право собственности на имущество, скорее он определял ситуацию, описываемую в римском праве как possessio, то есть, фактическую власть человека над имуществом, а не юридическое право на него. Последнее может иметь значение для истории таких однокоренных понятий как «власть», «волость» и самого глагола «володети» в политическом контексте.

Во-вторых, возможно стоит пересмотреть систему классификации средневековых русских документов по начальной клаузуле протокола («се купи» – купчая, «се даст» – данная и т.п.), которая и так выполнялась не до конца последовательно.[29]

Наконец, в-третьих, стоит еще раз присмотреться к различиям между №№ 181, 182, фактически являющимися закладными, но оформленными по формуляру купчих, и приведенным выше № 352, закладной не только по содержанию, но и по форме. Почему создатели[30] №№ 181, 182 предпочли для них форму купчей, а не закладной как в современном им № 352? Конечно, можно предположить, что формуляр закладной был им просто неизвестен в силу любых обстоятельств, и они выбрали для оформления залога более распространенную купчую. Однако в силу

---

[28] *Перхавко В.Б.* Купечество и власть в средневековой Руси // Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996 гг. М., 1997. С. 66.

[29] Подробнее см.: *Вовин А. А.* Береста и пергамен: к эволюции формуляра рукописаний Северо-Запада Руси в XIII–XV вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2026. Т. 31. № 1. С. 17–28.

[30] Оставим в стороне малоизученный вопрос о том, кто непосредственно составлял акты Северо-Запада – сами контрагенты, священник или некое неизвестное третье лицо, выполнявшее по случаю нотариальные функции. Некоторые аргументы в пользу второго варианта, но распространяющиеся только на завещания-рукописания см.*: Вовин А. А. Срединская Н. Б.* О рецепции римского права в частных актах северо-западной Руси XIII–XV вв.: Теория и практика сравнительного источниковедения. С. 161–209.

известной повторяемости и стабильности формуляра актов Северо-Запада в целом этот вариант представляется маловероятным. Против него говорит собственно также и то, что в №№ 181, 182 присутствует клаузула «до кун», взятая как раз из формуляра закладных. Думается, можно предложить другое объяснение.

Заметим, что в №№ 181, 182 помимо перечисления собственно контрагентов сделки упоминаются и другие люди, что для актов купли-продажи нетипично в принципе. В № 182 есть фраза «лопь ходити и празгоу | имати», то есть объектом сделки в частности являлось право ходить собирать подати с лопи. В № 181 помимо упоминания лопи есть еще фраза «корѣло|ю, куды всѧ 5 родовъ володѣю[т]», непосредственно примыкающая к слову «празга». Таким образом, выясняется, что на указанных землях живет еще местное население, а сами сделки включают в себя право собирать с него некие подати. В этом контексте и другие объекты сделок – земля, вода уже тоже не воспринимаются как в полной мере недвижимое имущество, а скорее как право получать выгоду с земли и воды, которое вряд ли могло быть заложено в отличие от собственно недвижимости.

Вернее, можно сказать так: право на землю декларировалось, но оно возникало явочным порядком – de facto, а не de jure. Условные «продавцы», вероятно, были первыми владельцами этой земли, их право на нее проистекало во многом из их возможности эту землю контролировать. Ведь на этой же земле проживали и местные, которые, видимо, небезосновательно считали эту землю своей, и которых к уплате празги еще нужно было принудить силой оружия или другим инструментом убеждения. Соответственно, они, с одной стороны, ресурс, а с другой – некоторое обременение, из которого могла проистекать и низкая сумма сделки (ведь и в случае залога его размер не может быть в разы ниже реальной стоимости).

Более того, последнее предположение объясняет и то, почему спустя одно-два десятилетия после заключения акта № 181, следующее поколение владельцев продало землю Соловецкому монастырю всего за смехотворные «ше|сть десѧтъ бѣлъ» (№ 203), то есть за 120 денег, примерно 0,55 рубля, в то время как входящая цена, как было подсчитано выше, составляла около 4 рублей. Ведь монастырь то точно обладал ресурсом контролировать местное население и собирать с него налоги, а Фома, сын Максима Меноева, будучи частным лицом, нет, и именно по этой причине он и отдал землю монастырю за бесценок.

Наконец, показательно и отсутствие упоминаний в №№ 181, 182 и 203 «купных грамот», часто прилагаемых к сделке, как в закладной № 352 и многочисленных других полноценных новгородских купчих. Если верно наше предположение о том, что условные «продавцы» из №№ 181,

182 были первыми владельцами земли, заявившими право на нее явочным порядком, то никаких купчих на землю у них не могло быть в принципе. Иначе обстоит дело с № 203. Да, далеко не во всех купчих Северо-Запада предыдущие подтверждающие право продавца на землю купчие упоминаются. Очевидно, что они не всегда составлялись в предыдущий период, ведь мы имеем дело с эпохой, когда письменное оформление сделки еще только утверждалось. Тем более, не всегда они бережно хранились светскими покупателями. Однако эти объяснения неприменимы для № 203, потому что в этом случае условная «купная грамота», подтверждающая право продавца на землю, как раз имелась. Это был № 181, причем он был известен в монастыре, так как попал в его архив, по всей видимости, вместе со сделкой № 203. Однако, составитель № 203, имея на руках № 181, не счел нужным даже упомянуть его в качестве «купной грамоты». Это произошло, думается, потому что № 181 не показался составителю № 203 достаточно весомым документом, действительно подтверждающим право на землю, но был взят на всякий случай.

Итак, подведем итог. Акт № 352, созданный на южном берегу Белого моря, где новгородцы закрепились уже давно, оформлен как закладная на землю, «отчину», то есть, землю, принадлежащую залогодателю как минимум два поколения. В тексте упоминается «купная грамота», подтверждающая право на землю, но нет указаний на живущее на этой земле местное финно-угорское население. В то же самое время в северо-западной части берега Белого моря все ровно наоборот. Здесь создаются два других документа, близких к № 352 по содержанию, но отличных по формуляру, они замаскированы под купчие, поскольку право на землю, как залогодателей, так и залогополучателей, эфемерно, получено явочным порядком, не подкреплено документами. На земле проживает местное население, которое нужно контролировать, на что требуются ресурсы. В результате по крайней мере в одном из случаев залогополучатели не смогли удержать землю и были вынуждены продать ее за бесценок Соловецкому монастырю, который даже не счел предыдущий акт залога документом, достойным упоминания в купчей. Это может свидетельствовать только об одном. В отличие от южного берега Белого моря, где новгородцы закрепились уже давно и, видимо, в значительной мере ассимилировали или подчинили местное население, на северо-западном берегу Белого моря во второй половине XV в. процесс освоения земель русскими был еще в начальной фазе. Приходившие сюда новгородцы пытались заявить свои права на землю, но здесь проживало местное население, для контроля над которым у частных лиц не всегда хватало ресурсов, и они были вынуждены уступать освоенные земли более крупному собственнику – Соловецкому монастырю.

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные:

Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины, Т. XXVI, 1998, С. 125–135.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Составитель И. Ю. Анкудинов, Москва, ЯСК, 2025.

Жуков А. Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий). // Антропологический форум. № 1. СПб., 2004. С. 298–322.

БИБЛИОГРАФИЯ

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1., М., 1909.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв., М., 1962.

Вовин А. А. Береста и пергамен: к эволюции формуляра рукописаний Северо-Запада Руси в XIII–XV вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения, 2026, Т. 31. № 1. С. 17–28.

Вовин А. А., Срединская Н. Б. О рецепции римского права в частных актах северо-западной Руси XIII–XV вв.: Теория и практика сравнительного источниковедения // ВИД. Вып. XLI. СПб., 2022. С. 161–209.

Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV – XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2022, № 1 (31). С. 105–116.

Ефименко П. С. Чудь заволоцкая, Архангельск. 1869.

Кизеветтер А. А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства, Вологда. 1919.

Ключевский О. В. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Московские университетские известия, 1867. № 7. С. 1–34.

Кучинский М. Г. Саами Кольского полуострова в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры. М., 2008.

Макаров Н. А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // Советская археология, 1986. № 3. С. 61–71.

Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства, М., Изд. АН СССР, 1951.

Перхавко В. Б. Купечество и власть в средневековой Руси // Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996 гг. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 63–103.

Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Берлин, Обелиск, 1924.

Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., Изд. АН СССР, 1963.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки денежной системы средневекового Новгорода, М., ЯСК, 2009.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., Наука, 1991.

REFERENCES

Bogoslovsky M. M. Zemstvo Self-Government in Russian North in 17th Century Vol. 1, Moscow, 1909 (in Russian).

Charters of Veliky Novgorod and Pskov / Ed. by I. Yu. Ankudinov, Moscow, YASK, 2025 (in Russian).

Efimenko P. S. Zavolotskaya Chud, Arkhangelsk, 1869 (in Russian).

Khoroshkevich A. L. Trade between Veliky Novgorod and Baltics and Western Europe in 14th – 15th Centuries, Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1963 (in Russian).

Kizevetter A. A. Russian North. The Role of Northern Region of European Russia in the History of the Russian State, Vologda, 1919 (in Russian).

Klyuchevsky O. V. Economic Activity of Solovetsky Monastery in White Sea Region // Moscow University News, 1867. No. 7. Pp. 1–34 (in Russian).

Kuchinsky M. G. Sami of the Kola Peninsula in 16th – 18th Centuries: Model of Social Structure. Moscow, 2008 (in Russian).

Makarov N. A. Archaeological Data on Nature of Colonization of Russian North in 10th – 13th Centuries. Soviet Archaeology, 1986. No. 3. Pp. 61–71 (in Russian).

Nasonov A. N. Russian Land and Formation of Territory of Old Russian State. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1951 (in Russian).

Platonov S. F. Past of Russian North. Essays on History of Colonization of Pomorye. Berlin: Obelisk, 1924 (in Russian).

Perhavko V. B. Merchants and Power in Medieval Rus'. Reports of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 1995–1996. Moscow: Institute of Russian History Press, Russian Academy of Sciences, 1997. Pp. 63–103 (in Russian).

Vitov M. V. Historical and Geographical Essays on Zaonezhye in the 16th – 17th Centuries, Moscow, 1962 (in Russian).

Vovin A. A. Birch Bark and Parchment: On Evolution of Will Formular of Northwestern Rus' in the 13th – 15th Centuries // Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations, 2026. Vol. 31. No. 1. Pp. 17–28 (in Russian).

Vovin A. A., Sredinskaya N. B. On Reception of Roman Law in Private Acts of Northwestern Rus' in the 13th – 15th Centuries: Theory and Practice of Comparative Source Studies // VID. Issue XLI. St. Petersburg, 2022. Pp. 161–209 (in Russian).

Vovin A. A., Sredinskaya N. B. Reception of Roman Law in Northwestern Rus' in the 14th – 15th Centuries: Widow and Property of Deceased Husband // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2022. No. 1 (31). Pp. 105–116 (in Russian).

Vozgrin V. E., Shaskolsky I. P., Shrader T. A. Charters of Grand Prince Vasily III to Tribute Collectors in Lop Land // Auxiliary Historical Disciplines, Vol. XXVI, 1998. Pp. 125–135 (in Russian).

Yanin V. L. Monetary and Weight Systems of Pre-Mongol Rus' and Essays on Monetary System of Medieval Novgorod, Moscow, YASK, 2009.

Yanin V. L. Novgorod Acts of the 12th – 15th Centuries: A Chronological Commentary. Moscow, Nauka, 1991 (in Russian).

Zhukov A. Yu. Saami in the 13th – 17th Centuries (Publication of Sources and Commentary). // Anthropological Forum. No. 1. St. Petersburg, 2004. Pp. 298–322 (in Russian).